

Научная статья
УДК 340.113
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-226-232>

Законность VS правоприменительная политика

Самохина Екатерина Юрьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
katyanechkina@yandex.ru

Аннотация. Автор обращается к проблеме удваивания терминологии. Сравниваются признаки понятий «законность» и «правоприменительная политика» в позитивном смысле. Сделан вывод о дублировании этих терминов. Отмечено, что научная ценность у термина «правоприменительная политика» обнаруживается, если употреблять его для описания целей субъектов правоприменения, не соответствующих целям закона.

Ключевые слова: удвоение терминологии, законность, правоприменительная политика, правоприменение

Для цитирования: Самохина Е. Ю. Законность VS правоприменительная политика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 226—232. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-226-232>.

Original article

Legality VS Law enforcement policy

Ekaterina Yu. Samohina

Perm State University, Perm, Russian Federation, katyanechkina@yandex.ru

Abstract. The authors address the problem of doubling terminology. The features of the concept of “legality” and “law enforcement policy” in a “positive sense” are compared. The conclusion is made about the duplication of these terms. It is noted that the scientific value of the term law enforcement policy is revealed if it is used to describe the goals of law enforcement entities that do not correspond to the goals of the law.

Keywords: doubling terminology, legality, law enforcement policy, law enforcement

For citation: Samohina E. Yu. Legality VS Law enforcement policy. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 226—232. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-226-232>.

Понятие правоприменительная политика появилось в теории права сравнительно недавно. Одним из первых в научный оборот его ввел Н. Н. Вопленко. Он определял ее как «совокупность программно-директивных установок (идеи, лозунги, призывы, цели, идеалы) и норм, а также сложившуюся в виде тенденций практику их реализации в деятельности правоприменительных органов» [1, с. 96].

В. А. Рудковский предложил рассматривать правоприменительную политику как «обусловленную интересами политической власти разновидность общей правовой политики государства, характеризующую его управленческую деятельность в сфере реализации права путем

использования специальных политико-правовых средств, выраженную в совокупности программно-директивных установок, организационно-управленческих средств и направлений (тенденций) правоприменительной практики» [2, с. 9].

Позднее В. А. Рудковский и А. В. Малько определили правоприменительную политику как «особый синтез идей и действий, политических замыслов и их реализации. В теоретическом измерении — это специфические идеи (цели, принципы, приоритеты и пр.), выражающие государственную идеологию правоприменения. А в практическом — реальная практика государственного руководства процессами

© Самохина Е. Ю., 2022

властной реализации права и ее результаты» [3, с. 9].

В таком же ключе используют понятие «правоприменительная политика» М. П. Клейменов и Д. В. Ерохин [4, с. 5—15].

О. Ю. Рыбаков, Ю. Б. Багаутдинова, С. В. Корсакова, опираясь на позицию В. А. Рудковского, дополняют понятие правоприменительной политики указанием на характер ее цели — совершенствование правоприменения [5, с. 16], обеспечение его соответствия правовому развитию государства [6, с. 77—78], решение тактических и стратегических задач повышения эффективности механизма правоприменения, оптимизации комплекса обеспечивающих его средств [7, с. 294].

Объединяет перечисленные определения идея о том, что правоприменительной следует называть политику в сфере применения права или политику управления сферой правоприменения. Однако акценты расставлены по-разному: В. А. Рудковский, А. В. Малько, М. П. Клейменов и Д. В. Ерохин пишут о воздействии на процесс правоприменения, не конкретизируя его характер, а О. Ю. Рыбаков, Ю. Б. Багаутдинова, С. В. Корсакова видят ее цель в усовершенствовании правоприменения.

В. В. Лазарев определил цель правоприменительной деятельности как «содействие в реализации норм, обращенных к другим субъектам права» [8, с. 12]. При этом он обратил внимание на то, что в ходе правоприменительного процесса может иметь место противоречие между целью закона и представлениями о ней правоприменителей. «Каждый правоприменитель всегда руководствуется наряду с законом своим убеждением и социалистическим правосознанием» [8, с. 16]. «Интересы законности требуют, чтобы социальная, политическая и юридическая оценка обстоятельств дела правоприменителем не расходилась с оценками законодателя, установившего нормы права» [8, с. 20]. Иначе говоря, у субъектов правоприменительной деятельности не должно быть иных целей, кроме выраженных в законе.

Несмотря на это, в литературе нередко отмечают, что органы власти не в полной мере ориентированы на исполнение законов [9, с. 488; 10, с. 284; 11, с. 6]. Исследования показывают немало отклонений реальной деятельности от модели в виде неполного осуществления компетенции, превышения полномочий, вмешательства, бездействия, коррупционных проявлений, необеспеченности ресурсами, слабых связей с населением [12, с. 327—328].

Обращая внимание на такие факты действительности (не случайные нарушения закона, а целенаправленную деятельность правоприменительных органов, рассогласованную с целями закона), мы определили правоприменительную политику как «цели деятельности правоприменительных органов, определенные ими исходя из своих корпоративных интересов, а также задачи, планируемые и контрольные мероприятия по их реализации в деятельности их должностных лиц, не соответствующие целям закона и правовой политики» [13, с. 42].

В. А. Рудковский и А. В. Малько считают определение правоприменительной политика в негативном смысле неконструктивным [3, с. 6].

Н. А. Власенко, характеризуя вредные тенденции в современной теории права, особо остановился на такой, как удвоение терминологии [14, с. 14—15], напоминая, что А. Ф. Черданцев неоднократно отмечал, что удвоение терминологии «необоснованно засоряет терминологический арсенал науки» [15, с. 288].

По мнению В. М. Баранова, современный этап развития науки теории государства и права характеризуется кризисом, обусловленным затрудненностью поиска неисследованной либо малоисследованной темы, поэтому распространена проблема, заключающаяся в том, что за обновленной по форме терминологией стоит давно известное содержание [16, с. 3].

На наш взгляд, введение термина «правоприменительная политика» в позитивном смысле ничего нового не привносит в дополнение к известному понятию «законность».

Для проверки гипотезы о том, что правоприменительная политика в «позитивном смысле» есть дублирование термина «законность», следует сравнить признаки понятия «законность» с содержанием того, что обозначается термином «правоприменительная политика» в позитивном смысле.

Традиционно законность понимают как точное исполнение всеми участниками общественных отношений законов и других нормативных правовых актов [17, с. 66; 18, с. 756—757; 19, с. 158; 20, с. 697]. Современные исследователи рассматривают понятие законность как принцип права, как метод государственного управления обществом, как государственный режим [21, с. 4; 22, с. 10; 23, с. 243; 24, с. 380; 25, с. 267], а также как меру эффективности закона [26, с. 35—38].

С учетом результатов последних исследований понятие «законность» охватывает всю правовую сферу государства, поскольку

«применяется для характеристики юридических явлений и процессов, всей правовой системы с точки зрения реального, практического осуществления права, выраженного в законах и основанных на них подзаконных актах» [27, с. 371].

Попытаемся определить признаки понятия, обозначенного термином «правоприменительная политика» его авторами А. В. Малько и В. А. Рудковским.

«С помощью определения понятия мы в явной форме указываем на суть отражаемых в понятии предметов, раскрываем его содержание и тем самым отличаем круг определяемых предметов от других предметов» [28, с. 40]. Самое распространенное явное определение — определение через ближайший род и видовое отличие [28, с. 45]. Кроме явных определений используются неявные и логические приемы, сходные с определением понятий: описания, характеристики, разъяснения посредством примера и другие [28, с. 49—41].

В вышеприведенном определении В. А. Рудковского есть родовое понятие — правовая политика государства и видовые характеристики — управленческая деятельность и использование специальных политико-правовых средств в правоприменительной практике.

В определении В. А. Рудковского и А. В. Малько есть родовые понятия: идеи и действия, и видовые характеристики, связанные с правоприменением.

Таким образом, в работах В. А. Рудковского и А. В. Малько можно найти характеристики к названным широким понятиям: правовая политика государства, идеи, правоприменительная практика.

Во-первых, авторы видят в правоприменительной политике «форму конкретизации общей политико-правовой стратегии применительно к такому специфичному участку правового регулирования как реализация права» [3, с. 6].

Реализация права представляет собой деятельность, согласную с выраженной в законе волей [29, с. 447], а применение права является особой формой его реализации, имеющей властный характер и сочетающей в себе одновременно разные поведенческие акты [29, с. 446].

В. В. Лазарев писал: «всякое правоприменение вытекает из закона, им освящено, им регламентировано» [9, с. 482]. Следовательно, основанное на законе правоприменение самодостаточно и не предполагает специального управления. Такая характеристика правоприменения является чертой законности, которая

«как раз и состоит в том, что должностные лица выполняют требования законов, выявляют нарушения закона, пресекают их, восстанавливают нарушенные права и привлекают виновных к юридической ответственности» [29, с. 528].

Иная ситуация, когда процессом применения права «управляют» вопреки применяемой норме. Такое правоприменение остается за рамками законности, но подпадает под понятие «правоприменительная политика» в негативном смысле.

Во-вторых, объектом политико-управленческого воздействия правоприменительной политики названы общественные отношения, формирующиеся в сфере осуществления права, а непосредственным предметом указанного воздействия — правоприменительная деятельность, ее цели, задачи, принципы, методы, приоритеты и т. д. [3, с. 7].

В развитии тезиса о том, что правоприменение является одной из сторон законности, сошлемся на В. В. Лазарева, который назвал объектом законности поведение юридически обязанных лиц [9, с. 628]. К числу последних относятся и государственные органы, и должностные лица, применяющие право.

Законность как метод государственного управления проявляется в правоприменении — деятельности полномочных органов. Такая позиция утвердилась задолго до появления термина правоприменительная политика. Поэтому отнесение правоприменения к видообразующему признаку правоприменительной политики не имеет оснований без сомнительного оспаривания того, что правоприменение не связано с законностью.

Представляется, что к данному случаю относится известное методологическое положение: если некоторое понятие ранее вошло в предмет ведения фундаментальной абстрактной категории, то ошибочно распространять на нее режим другой.

Заявляя о целях, методах, задачах, принципах, приоритетах правоприменения как видообразующих элементах, авторы не поименовывают их. В результате невозможно установить их одинаковость или расхожест с этими же элементами, присущими категории «законность».

В-третьих, в качестве признаков выделены специфичные формы выработки и реализации содержания, особый субъектный состав, способы внешней объективации [3, с. 7].

По мнению В. А. Рудковского, правоприменительная политика выражается в виде обзорных и инструктивных писем, напоминаний,

разъяснений, особых элементов содержания в указах, постановлениях, приказах, предписаниях-поручениях или распорядительных предписаниях органов и должностных лиц государства [2, с. 65—66].

Перечисленные виды документов объединяет один признак — подзаконный характер. М. С. Строгович еще в 1950-60-х годах XX века написал: «подзаконный акт, изданный на основе закона, есть способ (форма) реализации закона. Нарушение же такого акта означает в той или иной мере неисполнение и несоблюдение закона, а подзаконный акт, противоречащий закону, сам является незаконным» [30, с. 110].

Соответственно, если перечисленные виды документов принимаются в целях реализации закона и соответствуют ему, то они являются проявлением метода законности, в противном случае они незаконны.

В то же время несоответствующие закону подзаконные акты могут выступать формой правоприменительной политики в негативном смысле.

Субъектами правоприменительной политики названы органы или должностные лица государства, наделенные государственно-властными полномочиями [2, с. 10]. Они же являются субъектами законности [9, с. 528; 19, с. 160; 22, с. 14; 31, с. 22]. Следовательно, этот признак также не является видообразующим.

В-четвертых, акцентировано внимание на закономерных связях с иными направлениями государственно-правовой политики, прежде всего политикой правотворческой. Отмечено, что «содержание и общая направленность правоприменительной политики определяются системой действующих нормативно-правовых предписаний» [3, с. 7].

В-пятых, правоприменительная политика названа важным фактором совершенствования законодательства и всей системы правового регулирования в стране, которая создает необходимые политико-управленческие предпосылки для оптимальной реализации воли законодателя, позволяет сосредоточивать государственные усилия на наиболее важных участках правового регулирования, стимулирует принятие (изменение, отмену) правотворческими органами таких правовых предписаний, которые в наибольшей мере отвечают задачам правовой политики и при этом учитывают возможности и потребности правоприменительной практики [3, с. 7].

В четвертом и пятом признаках указывается на взаимосвязь правоприменительной политики и законодательства.

Однако наличие зависимости между правоприменением и законодательством не является открытием. В работах позднего советского периода этому вопросу уделялось значительное внимание. Например, Н. Н. Вопленко писал: «законность — это качественная характеристика процессов создания и реализации права» [32, с. 34]. Такой же вывод сделал Д. А. Керимов: «Обеспечивая соблюдение и исполнение правовых предписаний, ... законность вместе с тем зависит от природы и характера действующего законодательства» [33, с. 458].

Соответствие правоприменения законодательству и качественное законодательство, учитывающее запросы правоприменения, необходимые признаки, отличающие режим законности от режима, в котором законность нарушается.

Но эти признаки недостаточны для образования понятия «правоприменительная политика» хотя бы потому, что любая политика имеет взаимосвязь с законодательством.

В-шестых, научно-обоснованная и гуманная правоприменительная политика названа необходимой гарантией практического обеспечения прав и свобод личности, упрочения законности и правового порядка, решения других жизненно важных задач [3, с. 7].

Гарантии — это система условий и средств, которая переводит идею из области научных рассуждений в практическую сферу деятельности [34, с. 555]. Заявив о правоприменительной политике как гарантии некоторых ценностей, авторы не называют свойственные ей специфические средства и методы их обеспечения. Для сравнения отметим, что в теории законности, которая направлена на обеспечение реализации тождественных ценностей, выделен специальный механизм — метод законности.

Необеспеченность гарантии принудительными механизмами свидетельствует о том, что гарантия, как и соответствующий ей признак, отсутствуют.

Подведем итог. Анализ выделенных А. В. Малько и В. А. Рудковским признаков понятия «правоприменительная политика» показал, что ни один из них не является для него родовым.

В отсутствие указания на характер цели определение правоприменительной политики не обладает собственным содержанием, поскольку соответствует известным в юридической науке характеристикам законности. По этой причине нежелание увидеть в правоприменительной политике отрицательное явление лишает понятие,

сформулированное А. В. Малько и В. А. Рудковским, научной ценности.

В свою очередь, полагаем, что научная ценность у термина «правоприменительная политика» обнаруживается, если употреблять его для описания целей субъектов правоприменения, не соответствующих целям закона.

Интересно, что анализ диссертационного исследования В. А. Рудковского позволяет предположить, что такая позиция, несмотря на критику, не является ему абсолютно чуждой.

В тексте диссертации автор использует понятие «неправовая политика», подразумевая под ней «такую форму реализации политических интересов, которая характеризуется сознательным неиспользованием или игнорированием права» [2, с. 37], и понятие «противоправная политика», «когда при реализации политических интересов используются средства, противоречащие действующим нормам» [2, с. 38].

Оба определения соответствуют понятию правоприменительная политика в негативном смысле. По этой причине отказ признавать правоприменительную политику негативным явлением сравним с оправданием возможных случаев расхождения целей закона и целей правоприменительных органов.

Кроме этого, В. А. Рудковским неоднократно была сделана оговорка о том, что правоприменительная политика необходима, прежде всего, для защиты властных интересов. Следовательно, автор допускает саму возможность преследования правоприменителем в процессе деятельности собственных, а не государственно-властных интересов, например:

— «ее существование определяется, главным образом, необходимостью адекватной реализации публично-правовых интересов, закрепленных в соответствующих юридических нормах» [2, с. 9].

— «правоприменительная политика выступает, прежде всего, как инструмент власти <...> отражая интересы общества и личности (безусловно, не всегда), правоприменительная политика выступает, прежде всего, как инструмент осуществления политической власти, а реализуемые ею интересы, преломляясь через деятельность соответствующих государственных органов, объективно выступают как властные интересы» [2, с. 59].

По мнению В. М. Баранова, «негативным отношением к праву обозначается практическое отношение, то есть действия, не соответствующие нормам права <...> рассматривать преступление (как и любое другое правонарушение)

негативным проявлением права нелогично, а с практической точки зрения, опасно» [16, с. 21]. Полагаем, что его опасения будут оправданы и применительно к использованным В. А. Рудковским понятиям «неправовая политика» и «противоправная политика», потому что, если действия и явления не соответствуют праву, их необходимо называть соответствующими общеизвестными понятиями: правонарушение или преступление, в противном случае их негативный характер затушевывается.

Таким образом, использование термина «правоприменительная политика» к тому, что ранее именовалось законность, порождает другую проблему, обозначенную Ю. А. Тихомировым: «Размывание категорических требований точного и единообразного толкования законов служит одним из многих условий непрекращающихся коррупционных и иных негативных проявлений, разрушающих общее согласие» [26, с. 364].

Список источников

1. Волпенко Н. Н. Правоприменительная политика: понятие и содержание. 9-я научная конференция профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград, 1992. 406 с.
2. Рудковский В. А. Правоприменительная политика: сущность и содержание: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997. 181 с.
3. Малько А. В., Рудковский В. А. Правоприменительная политика: понятие, содержание, назначение // Правоприменение, 2017. Т. 1. № 3. С. 5—14.
4. Клейменов М. П., Ерохин Д. В. Методология политики правоприменения // Правоприменение, 2018. Т. 2. № 4. С. 5—15.
5. Багаутдинова Ю. Б. Муниципально-правовая политика как особая разновидность правовой политики: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 23 с.
6. Лягин К. А. Правоприменительная политика в России: социально-правовые аспекты // Социально-гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях, Белгород, 30 сентября 2017 года / под общ. ред. Е. П. Ткачевой; Агентство перспективных научных исследований. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 77—80.
7. Корсакова С. В. Правоприменительная политика в сфере местного самоуправления: понятие и содержание // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2011. № 10 (102). С. 294—298.
8. Лазарев В. В. Правовое сознание и применение права // Избранные труды: в 3 т. Т. I: Закон. За-

конность. Применение закона. М.: Новая юстиция, 2010. 648 с.

9. Лазарев В. В. Закон и его применение // Избранные труды: в 3 т. Т. I: Закон. Законность. Применение закона. М.: Новая юстиция, 2010. 648 с.

10. Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград, 2009. 336 с.

11. Колоколов Н. За карманным вором законодатель не успевает // ЭЖ-Юрист. 2016. № 29.

12. Тихомиров А. Ю. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. 400 с.

13. Поляков С. Б., Нечкина Е. Ю. Понятие правоприменительной политики // Адвокат. 2013. С. 36—42.

14. Власенко Н. А. Юридическая наука и учение: не переходите грань допустимого // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 10—18.

15. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: Инфра-М., 2012. 319 с.

16. Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. М.: Блок-Принт, 2022. 176 с.

17. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. 176 с.

18. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник. М.: Норма, 2008. 816 с.

19. Общая теория государства и права. Академический курс в 3 томах / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 3. 528 с.

20. Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права. М.: Статут, 2016. 752 с.

21. Бахрах Д. Н. Вопросы законности в государственном управлении // Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1992. № 3. С. 2—12.

22. Афанасьев В. С. Обеспечение законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 40 с.

23. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 416 с.

24. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. 432 с.

25. Липинский Д. А., Хачатуров Р. Л. Теория государства и права: курс лекций. Тольятти: ТГУ, 2008. 290 с.

26. Законность: теория и практика: монография / М. С. Андрианов [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. 364 с.

27. Лазарев В. В., Липень В. С. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Издательство «Спарк», 1998. 448 с.

28. Гетманова А. Д. Логика для юристов. Со сборником задач: учебное пособие. М., 2012. 344 с.

29. Бабаев В. К. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. 592 с.

30. Строгович М. С. Избранные труды: в 3 т. Т. I: Проблемы общей теории права. М.: Наука, 1990. 304 с.

31. Солуков А. А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 24 с.

32. Вовленко Н. Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1983. 406 с.

33. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с.

34. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юрист, 2007. 768 с.

References

1. Voplenko N. N. Law enforcement policy: concept and content. 9th scientific conference of the faculty of the Volga State University. Volgograd, 1992. 406 p. (In Russ.)

2. Rudkovsky V. A. Law enforcement policy: essence and content. Dissertation... candidate of legal sciences. Volgograd, 1997. 181 p. (In Russ.)

3. Malko A. V., Rudkovsky V. A. Law enforcement policy: concept, content, purpose. *Law enforcement*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 5—14. (In Russ.)

4. Kleimenov M. P., Erokhin D. V. Methodology of law enforcement policy. *Law enforcement*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 5—15. (In Russ.)

5. Bagautdinova Yu. B. Municipal legal policy as a special kind of legal policy: a general theoretical aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Saratov, 2009. 23 p. (In Russ.)

6. Strategies of legal development of Russia: monograph / ed. by O. Yu. Rybakov. Moscow: Justice Publ., 2015. 624 p. (In Russ.)

7. Korsakova S. V. Law enforcement policy in the field of local self-government: concept and content. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 2011, № 10 (102), pp. 294—298. (In Russ.)

8. Lazarev V. V. Legal consciousness and application of law. *Selected works*. [In 3 vols.] Vol. I: The Law. Legality. Application of the law. Moscow: New Justice Publ., 2010. 12 p. (In Russ.)

9. Lazarev V. V. The law and its application. *Selected works*. [In 3 vols.] Vol. I: The Law. Legality. Application of the law. Moscow: New Justice Publ., 2010. 488 p. (In Russ.)

10. Rudkovsky V. A. Legal policy and implementation of law. Volgograd, 2009. 336 p. (In Russ.)

11. Kolokolov N. The legislator does not have time for a pickpocket thief. *EZH-Jurist*, 2016, no. 29. (In Russ.)

12. Tikhomirov A. Yu. Legal regulation: theory and practice. Moscow: Formula of Law, 2008. 400 p. (In Russ.)

13. Polyakov S. B., Nechkina E. Y. The concept of law enforcement policy. *Lawyer*, 2013, pp. 36—42. (In Russ.)
14. Vlasenko N. A. Legal science and scientists: do not cross the line of permissible. *Russian Law Journal*, 2020, no. 5, pp.10—18. (In Russ.)
15. Cherdantsev A. F. Logical-linguistic phenomena in jurisprudence. Moscow: Norm: Infra-M. Publ., 2012. 319 p. (In Russ.)
16. Baranov V. M. "Positive legal responsibility": controversial concept, imaginary practice, virtual technique: monograph. Moscow: Blok-Print Publ., 2022. 176 p. (In Russ.)
17. Alexandrov N. G. Legality and legal relations in Soviet society. Moscow, 1955. 176 p. (In Russ.)
18. Administrative law: textbook / D. N. Bakhrah, B. V. Rossinsky, Yu. N. Starilov. Moscow: Norm Publ., 2008. 816 p. (In Russ.)
19. General theory of state and law. Academic course in 3 vols / ed. by M. N. Marchenko. Moscow, 2007. Vol. 3. 528 p. (In Russ.)
20. Shershenevich G. F. Favorites: In 6 vols. Vol. 4 including the General Theory of Law / Intro. slovo, comp.: P. V. Krashenninikov. Moscow: Statute Publ., 2016. 752 p. (In Russ.)
21. Bakhrah D. N. Questions of legality in public administration. *Izvestia of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 1992, no. 3, pp. 2—12. (In Russ.)
22. Afanasyev V. S. Ensuring legality: issues of theory and practice (based on materials of internal affairs bodies). Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 1993. 40 p. (In Russ.)
23. Baitin M. I. The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
24. Cherdantsev A. F. Theory of state and law: textbook for universities. Moscow: Yurayt-M Publ., 2002. 432 p. (In Russ.)
25. Lipinsky D. A., Khachaturov R. L. Theory of state and law: a course of lectures. Togliatti: TSU Publ., 2008. 290 p. (In Russ.)
26. Legality: theory and practice: monograph / M. S. Andrianov, S. A. Bogolyubov, N. D. Booth [and others]; ed. by Yu. A. Tikhomirov, N. V. Subanova. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: LLC "LAW FIRM CONTRACT", 2017. 364 p. (In Russ.)
27. Lazarev V. V., Lipen V. S. Theory of state and law: textbook for universities. Moscow: "Spark" Publ., 1998. 448 p. (In Russ.)
28. Getmanova A. D. Logic for lawyers. With a collection of tasks: textbook. Moscow, 2012. 344 p. (In Russ.)
29. Babaev V. K. Theory of state and law: textbook / ed. by V. K. Babaev. Moscow: Jurist Publ., 2003. 592 p. (In Russ.)
30. Strogovich M. S. Selected works. [In 3 vols.] Vol. I: Problems of the general theory of law. Moscow: Nauka Publ., 1990. 304 p. (In Russ.)
31. Solukov A. A. Legality in the Soviet and post-Soviet periods: a comparative study. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2020. 24 p. (In Russ.)
32. Voplenko N. N. Theoretical problems of the regime of legality in the application of the norms of socialist law. Dissertation... doctor of legal sciences. Volgograd, 1983. 406 p.
33. Kerimov D. A. Philosophical problems of law. Moscow: Mysl Publ., 1972. 472 p.
34. Theory of state and law: course of lectures / ed. by N. I. Matuzov and A. V. Malko. Moscow: Jurist Publ., 2007. 768 p.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 09.06.2022.